

о содержании ранних греческих текстов на основании французского перевода одного из поздних (1779 г.) изданий «Истории об Империсе и Маргароне»,¹ допуская, что при несомненно подновленном и литературно обработанном внешнем виде основная сюжетная канва рассказа сохранена. И это сопоставление не выводит наше предположение из стадии гипотезы. Имена героев: Империс или Иберис и Маргарона не созвучны Бруну и Мелеонии; место действия в сравнении с повестью о Петре Златых Ключах остается неизменным, а именно Франция и Неаполитания; начальные слова греческой «Истории» буквально повторяют известные французские тексты XV в. о Петре Провансальском; роман продолжает попрежнему интересоваться рыцарскими турнирами, хотя в рассказе о них отступает от французской редакции; обнаруженные «новшества», как, например: 1) Империса в его странствиях по чужим землям сопровождает преданный слуга, 2) свадьба героя с Маргароной происходит до их отъезда на родину Империса и тайная поездка эта остается ничем немотивированной, 3) родительское благословение похищено не вороном, а орлом, который прячет узелок с талисманом в скалах, где будет построен потом монастырь Маргароны, и т. д., — не свойственны повести о Бруне. Таким образом для бесспорного решения вопроса об источнике перевода нужны дальнейшие поиски.² Если бы они подтвердили окончательно греческое происхождение этой редакции романа о Петре Златых Ключах, то тем самым было бы внесено дополнение в перечень А. И. Соболевского, утверждавшего, что «список переводов с греческого, сделанных в Москве в XV—XVII вв. (кроме трудов Максима Грека) показывает, что это влияние по своему значению было почти ничтожно (курсив Соболевского): оно не только не обновило, но даже не пополнило русской литературы. . .»³ Как бы то ни было, стилистическое единство русского текста с переводами с новогреческого 1660—1670-х гг. несомненно, и обнаружение повести о Бруне, несмотря на регрессивность ее содержания и формы, имеет значение очередного факта, говорящего о том, что народная книга из Западной Европы кочевала в Россию по разнообразным путям, а не только через Польшу, и что эти пути были проложены еще в XVII в.

Что же касается судьбы этого литературного произведения на русской почве, то слишком опрометчиво было бы ссылаться на случайность того, что за 30—40 лет от времени перевода до написания списка Вяземского сохранился только один экземпляр этой редакции. Не следует забывать, что, как указывал Соболевский, переводы, сделанные с греческого в XVII в. («даже интересно составленный Анфологион»), не имели печатных переизда-

¹ M. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Imitations en grec de nos romans de chevalerie depuis le XII siècle. Paris, 1866, стр. 269—288.

² Отметим, что имя Брун (в рукописи оно перемежается с формой: «Б р у н а» — именит. падеж) напоминает такие итальянские имена рыцарей Круглого Стола — как Sigurans lo Bruno cavalier Agragone, Brunoro lo Bruno, Brunoro lo Nero сын короля Обеланда, и Brunoro lo Vermiglio. См. Tavola Rotonda, ed. Polidori. Bologna, 1864, т. I, стр. 413—415 и 436; т. II, Indice, стр. 295—296

³ Соболевский, *op. cit.*, стр. 288.